

А.Р. Лагно

Образы украинцев на страницах львовской газеты «Słowo Polskie» (1918–1923)

Польско-украинская война 1918–1919 гг. унесла более 20 тыс. жизней с обеих сторон, однако окончание военных действий не стало основой для мирного сосуществования двух народов. Украинские националисты силой оружия жаждали завоевать независимость, польские же — стремились подтвердить свои права на все территории бывшей Речи Посполитой. Вторая мировая война лишь подхлестнула волну ненависти между народами, привела к массовым убийствам, память о которых до сих пор будоражит общество по обе стороны польско-украинской границы. Возможно ли было избежать всего этого? Ведь и украинцы, и поляки на протяжении столетий жили рядом друг с другом. Что следовало предпринять, чтобы восстановить добрососедские отношения между народами?

Главной причиной спора между украинцами и поляками была территория Восточной Галиции*, которую и те, и другие считали своей. Эта историческая область являлась родиной для многих народов, а в начале XX в. приобрела исключительный символический смысл, став местом столкновения двух государственных проектов. Больше шансов на победу было у польского проекта, что и подтвердили события 1920-х годов, когда Восточная Галиция на международном

* В статье используется термин Восточная Галиция, поскольку в 1918–1923 гг. именно он применялся в дипломатическом языке для названия этой спорной провинции. После международного признания восточной границы Польши в 1923 г. постепенно в оборот вводятся другие названия для этой территории: «Восточная Малопольша» («*Wschodnia Małopolska*») в польском языке и «Западная Украина» («*Zachidna Ukraïna*») на украинском.

уровне была признана неотъемлемой частью Польши. Таким образом, гражданами польского государства стали миллионы украинцев, что, в свою очередь, потребовало от правительства Второй Речи Посполитой определенной стратегии взаимодействия с украинским национальным меньшинством.

Центром общественной, политической и культурной жизни Восточной Галиции был город Львов. Поляки и украинцы сражались за него, так как для одних он был символом польскости, в то время как для других — столицей будущей Украины. В межвоенный период Львов — это один из самых больших городов в Польше и, пожалуй, самый этнически многообразный город в Европе: столетиями бок о бок жили в нем поляки, украинцы, евреи, армяне, немцы, чехи и многие другие народы.

Несмотря на то, что Львов сильно пострадал от военных действий периода Первой мировой и польско-украинской войн, однако очень быстро восстановился, и вновь, наравне с Варшавой, Краковом, Лодзью и другими польскими городами, стал средоточием политической, научной, университетской и культурной жизни. Все это, конечно же, благотворно влияло и на развитие прессы. Как отметил Е. Яровецкий, в 1918–1939 гг. во Львове издавалось 1090 наименований разнообразных периодических изданий на польском языке¹. Среди этого многообразия особого внимания заслуживает газета «*Slowo Polskie*» («Польское слово»), которая начала выходить в 1895 г. и была рупором польского национал-демократического движения (эндеции). По воспоминаниям юриста и дипломата Альфреда Высоцкого, который начал профессиональную деятельность как раз во Львове, эта газета пользовалась огромной популярностью. Журналисты избегали перепечаток из других изданий, получая информацию по телефону или телеграфу напрямую от своих коллег из европейских столиц. За это как раз читатели и ценили «*Slowo Polskie*», так как в тот же день могли узнать самые свежие новости, произошедшие утром или в обед где-нибудь в Берлине, Париже или Варшаве. И очень часто получалось, что те, кто выписывал эту газету в погоне за новостями, незаметно для себя попадали под влияние национал-демократии, начинали думать в категориях этого политического движения и, в конце концов, «сами не зная каким образом, становились эндеками»².

Безусловно, столь влиятельная газета, тираж которой в лучшие годы существования доходил до 18 тыс. экземпляров³, формировала

и определенное представление о различных национальных меньшинствах, которые проживали в Польше. Какой же образ украинцев возникал перед глазами читателей этого печатного органа? Был это образ врага? Или, быть может, наоборот, положительный образ доброго соседа? Как раз газета «*Stowo Polskie*» позволяет описать образ украинца; проследить изменения этого образа в течение пяти лет и выделить основные темы, касающиеся этого национального меньшинства.

Проблемам развития польской периодической печати во Второй Речи Посполитой уделяли внимание многие серьезные историки прессы. Труды А. Пачковского и А. Нотковского⁴, опубликованные еще в 1980-е годы, до сих пор не утратили своего значения. В 2000-е годы научные изыскания этих историков уточнил и дополнил в многотомном издании Е. Яровецкий⁵. В 2014 г. свет увидела и отдельная работа Е. Вуйчик, целиком посвященная истории газеты «*Stowo Polskie*»⁶. Ее статья основана на архивных источниках Центрального государственного исторического архива Украины во Львове. Автор повествует об издательских делах, расцвете и упадке газеты, доходах, расходах, главных редакторах и т. п. Достаточно часто в качестве источника эту влиятельную газету использовали историки, изучавшие национал-демократическое движение в межвоенной Польше и проблемы польско-украинских отношений⁷. В отечественной историографии, и это отметил в своей работе В. Коласа, примеров изучения польской прессы крайне мало⁸, в основном историки изучали польскую периодику XIX в.

Газета «*Stowo Polskie*» (1895–1934) возникла по инициативе Тадеуша Романовича (1843–1904) и Тадеуша Рutowского (1841–1912), финансировал издание химик, предприниматель, один из пионеров нефтедобывающей промышленности в Восточной Галиции Станислав Щепановский (1846–1900)⁹. После начала Первой мировой войны, когда Львов был занят русскими войсками (3 сентября 1914 – 22 июня 1915 гг.), редакция, руководствуясь распоряжением партии, выражала на страницах газеты пророссийскую позицию. После того как Галиция вновь была занята австрийской армией, редакция вынуждена была эмигрировать в Россию, а выпуск газеты на какое-то время приостановить¹⁰. После более чем трехгодичного перерыва, в конце 1918 г., газета стала выходить вновь. Поначалу и объем, и тираж «*Stowo Polskie*» никак не могли сравниться с довоенным. В первом послевоенном выпуске редакция описывала читателям те тяжелые

условия, в которых приходилось работать издательству: помещение нуждалось в ремонте, оборудование было частично сломано, не хватало бумаги, были утрачены довоенные связи с европейскими журналистами, да и сама издательская группа находилась в весьма сложном финансовом положении¹¹. Дела пошли значительно лучше после того, как в 1919 г. граф Александр Скарбек (1874–1922), один из предводителей галицийской эндееции, выкупил эту газету. После его смерти в 1922 г. и до 1934 г. владельцы газеты неоднократно менялись, как и политика издательства. После майского переворота 1926 г. газета сменила политическую линию и стала проправительственной¹². К 1934 г. дела издательства стали совсем плохи. Как полагает Вуйчик, газета пришла в упадок и в конце концов прекратила свое существование из-за тяжелого финансового положения, которое, в свою очередь, явилось следствием неумелого управления делами издательства¹³. Таким образом, в межвоенной Польше газета «*Ślowo Polskie*» уже не смогла достичь своих довоенных высот (тиражи не превышали 10 000 экземпляров), но тем не менее она продолжала оставаться одним из самых популярных изданий, многие известные политики и журналисты регулярно печатались на ее страницах.

Каким же представал перед читателями украинец? Традиционно поляки называли украинцев «русью» («*Ruś*»), и именно с этим словом связана попытка выстраивания положительного образа этого народа. Слово же «украинец» («*Ukrainiec*») в польском языке ассоциировалось с борьбой за создание собственного, украинского, государства, а сепаратизм, конечно же, поляками осуждался*.

На страницах газеты в 1918–1923 гг. неоднократно подчеркивалось, что создание украинцами собственного независимого государства — не более, нежели политическая химера. Западно-Украинскую народную республику называли «лилипутским государством» (*lilipuce państwko*)¹⁴. К чаяниям украинского народа создать собственное государство относились у лучшем случае как к причудам, в худшем — считали, что такое нездоровое желание украинцев является результатом влияния враждебных австро-германских политических сил. Украинцам отказывали в политической зрелости,

* Значительно позже, в феврале 1936 г., было издано специальное распоряжение министра внутренних дел Польши Ф. Славой-Складковского, согласно которому в официальных документах уравнивались термины «ruski» и «ukraiński», так как они использовались для обозначения одного и того же народа.

самостоятельности, поэтому очень часто даже слово «украинцы» ставили в кавычки, пытаясь тем самым показать, что это вымышленное общество и самоназвание у него тоже вымышленное. «Так называемые галицийские украинцы по сути никогда не проводили никакой собственной национальной политики», — отмечалось в одном из первых номеров возобновленной газеты. А предводители этого движения — не кто иные, как «агенты берлинско-венского империализма»¹⁵.

На страницах газеты писали, что украинские сепаратисты своими действиями против Польши и России на самом деле не стремятся создать суверенную Украину, а готовят почву для германского правления. К. Вжещиньская считает, что исходя из этих предпосылок делался вывод о том, что польские политики свою миссию видели в избавлении украинцев от этих чар немецкой, а также большевистской пропаганды. Непременно надо было вернуть этому народу его давнее название русинов («*Rusinów*»), а не австрийских украинцев («*Ukrainców*»)¹⁶.

В этническом плане ситуация в Восточной Галиции была сложной, поляки преобладали только во Львовском воеводстве (и то незначительно). Вопрос определения точного количества украинцев, живущих во Второй Речи Посполитой, до сих пор является предметом острых дискуссий и, похоже, останется таковым еще надолго, так как основными источниками служат переписи населения 1921 и 1931 г. (см. диаграммы 1 и 2). Первая перепись бойкотировалась частью украинцев, считавших, что Восточная Галиция находилась под польской оккупацией, соответственно, данные не точны. Во второй переписи графы об этнической принадлежности уже не было. Кроме того, многие исследователи указывают, что польские чиновники активно использовали административный ресурс, подтасовывая результаты¹⁷. Помимо перечисленных факторов, сложность при проведении переписи в Восточной Галиции также состояла в том, что в ходу были различные традиционные термины самоидентификации, например: «тутейшие», «местные», «греко-католики», «русины» и др.¹⁸ Графа о родном языке, которая появилась в переписи населения 1931 г., тоже не позволяет однозначно идентифицировать этническую принадлежность. Так, в воспоминаниях поляков, репатриированных в 1940-е годы с территории Восточной Галиции в Польшу, неоднократно встречаются слова о том, что жители восточногогалицийских сел, даже если и идентифицировали себя как поляков, то почти совсем не говорили по-польски, а использовали «русский» (т. е. украинский) язык¹⁹.

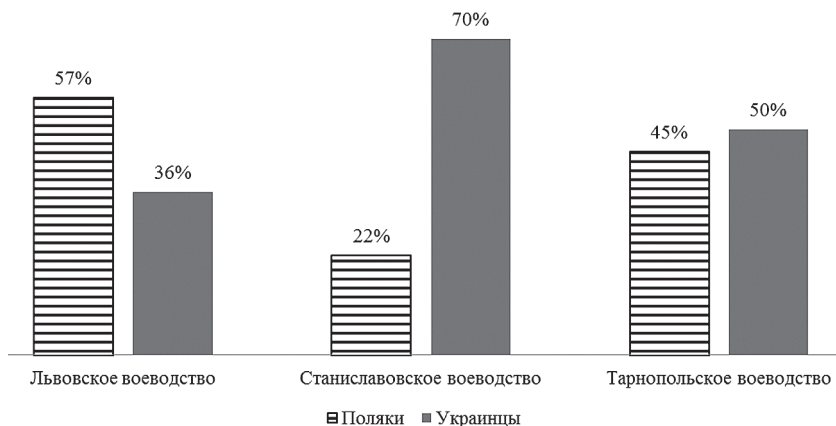

Диаграмма 1. Распределение населения Восточной Галиции по этнической принадлежности, 1921 г.²⁰

Конфессиональная принадлежность, которая могла бы позволить идентифицировать католиков как поляков, а греко-католиков как украинцев, также не вносит ясности. Так, К. К. Федевич убедительно показывает как в 1920–1930-е годы в Восточной Галиции шел процесс украинизации многих польских крестьян-католиков. Исследователь пишет, что часто полякам католического вероисповедания надо было ходить на службу в костел, который находился в соседнем селе или еще дальше, причем зачастую греко-католическая церковь располагалась совсем рядом. Поскольку греко-католическая церковь признает власть Папы римского и тоже принадлежит ко Вселенской католической церкви, посещение поляками-католиками греко-католических церквей, в которых службы велись на украинском языке, не считалось зазорным, а было вполне обычным и повсеместным явлением²¹. Также ничего странного не было в том, если греко-католический священник обучал Закону божьему детей католиков²². Тем не менее, не смотря на статистические огрехи, историки заявляют, что украинцы были самым многочисленным национальным меньшинством во Второй Речи Посполитой (около 16%)²³.

Журналисты «*Słowo Polskie*» соглашались, что украинцы («*Ruś*»), конечно же, не поляки, но это народ близкий, братский, исторически связанный с Польшей добровольной унией, поэтому война украинцев

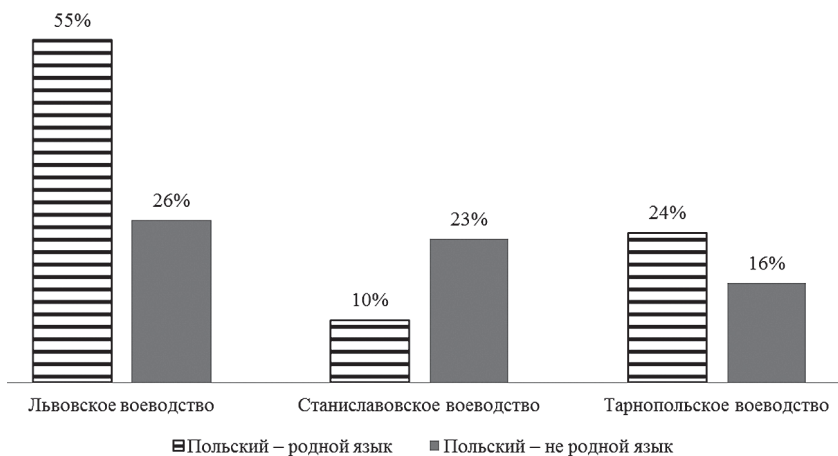

Диаграмма 2. Распределение населения Восточной Галиции по родному языку, 1931 г.²⁴

с поляками бессмысленна²⁵. Ведь едва ли не каждая польская семья является смешанной, в жилах поляков течет, в том числе, и украинская («*ruska*») кровь, равно как многие украинские семьи («*rodzine ruskie*») связаны кровными узами с поляками²⁶. Нельзя навязывать украинцам, — подчеркивалось на страницах «*Ślowo Polskie*», — свое мнение о том, что на территории Восточной Галиции преобладает польское культурное влияние, или же, что согласно историческому праву эта область является, безусловно, польской. В качестве обоснования этого тезиса, например, приводилась цитата из Повести временных лет про поход Владимира на поляков в 981 г. («и захватил города их, Перемышль, Червен и другие города»), из чего автор заметки сделал вывод, что уже задолго до похода Владимира это была часть Польши, впоследствии же эту территорию отобрали у Польши силой²⁷. Однако если в нынешней международной ситуации историческое право не признается, а вместо него прочно утвердилось право наций на самоопределение, следует объяснить братскому украинскому народу («*bratnej Rusi*»), что только Польша сможет удовлетворить украинские интересы. Как писал известный эндекский политик Станислав Грабский (1871–1949), активно публиковавший свои статьи в том числе и на страницах «*Ślowo Polskie*», «необходимым условием удержания существующих границ есть превращение государственной

территории Речи Посполитой в национальную польскую территорию»²⁸. Таким образом, рассуждения велись в духе известного тезиса: «*Gente Ruthenus natione Polonus*» («Русский народ польской нации»).

Поначалу никто не видел никакой сложности в том, чтобы сделать из украинцев лояльных польскому государству граждан. Свыше 80% представителей этого этноса проживали в сельской местности, в то время как интеллигенция составляла всего около 2,5%²⁹. Большая часть крестьян-украинцев была неграмотной или малограмотной, особенно если те села, где они жили, находились далеко от городов. Из этого делался вывод, что украинские крестьяне были политически инертными: «украинское гражданское население (*„ludność cywilna ruska“*) ведет себя совершенно безучастно»³⁰. Польские политики соглашались, что украинцев, безусловно, много, однако предполагалось, что они не представляют собой какую-либо реальную силу, поэтому еще одной миссией поляков была европеизация своих восточных областей. Польша для украинцев — не чужое государство, — резюмировали на страницах «*Stowo Polskie*», — она культурно намного им ближе, нежели Россия, в которой у «восточных варваров», доминируют «татарские пережитки». Более того, Польша должна стать барьером на пути распространения большевизма на Запад³¹.

На формирование образа украинца на страницах газеты «*Stowo Polskie*» влиял ряд факторов: непосредственно военные действия; позиция Франции, Великобритании и США по вопросу Восточной Галиции; в самой Польше менялся подход к внутривосточным проблемам; с повестки дня не сходили и те вопросы, которые будоражили самих украинцев. События польско-украинской войны, бои за Львов, неопределенность восточной границы Второй Речи Посполитой заставляли поляков показывать на страницах газеты неприглядное лицо украинца (чаще всего используется именно слово «*Ukrainiec*», а не «*Ruś*»), чтобы определенным образом настроить общественное мнение и сплотить силы в борьбе. Однако даже окончание боевых действий между поляками и украинцами в 1919 г. и общее сплочение сил против общего врага — большевиков, не смягчили риторики.

Украинцы («*Ukraincy*»), воюющие с Польшей, — грубые и жестокие разбойники, — писалось на страницах газеты в 1918 г. Заявлялось, что они просто завидуют полякам, потому что у них получилось создать свое государство, а у украинцев — нет. К тому же эти «украинцы страшно неблагодарные». Утверждалось, что Польша всегда

шла им на встречу, пыталась войти в их положение, понять противоположную сторону, поляки всегда были готовы к компромиссам, однако украинцы не способны усвоить доводы разума, эти «гайдамацкие варвары» могут лишь издеваться над мирным населением, стрелять в спину³², разрушать культурные памятники. Так, в подробностях описывался случай, произошедший после того как украинская армия заняла Тарнополь: бешеные банды украинских дикарей выместили свою злобу на ни в чем не повинном памятнике Адаму Мицкевичу*, в стацию стреляли, разбили ей голову³³. На страницах газеты «*Ślowo Polskie*» украинцев обвиняли в том, что они отказываются считать Польшу своим государством³⁴, о чем писали в разделе «Из украинской прессы» («*Z prasy ruskiej*»), который приводил цитаты из ведущих украинских газет. У украинских газет, в свою очередь, была постоянная рубрика «Из Польши». В «*Ślowo Polskie*» по этому поводу недоумевали: «Как будто бы Польша — это чужое для них государство». Причем, как утверждал автор заметки, в украинских газетах в основном про Польшу и поляков пишут только плохое: о забастовках, ограблениях, нападениях и т. п., когда же украинцам что-то необходимо попросить у государства, то их тон и риторика сразу же меняются³⁵.

Неоднократно на страницах газеты всплывал сюжет жестокого обращения украинских войск с военнопленными, евреями, мирным польским населением. Из этого следовал вывод, что украинцы находятся на таком низком уровне развития, что просто не имеют права на создание собственного государства, поскольку не знают правил поведения, ведь украинская армия систематически нарушает Гаагские (1899 и 1907 г.) и Женевские конвенции (1864 и 1908 г.)³⁶. Поляки по официальным каналам жаловались правительствам США, Англии, Франции, Италии и Румынии на варварскую бомбардировку Львова в новогоднюю ночь³⁷.

После окончания военных действий судьба Восточной Галиции решалась в кабинетах европейских политиков. Несмотря на попытки украинской дипломатии лавировать, используя противоречия европейских держав, однако обеспечить дипломатическую поддержку в деле создания независимой Украины все таки не удалось. 3 декабря 1920 г. вышло постановление правительства о создании

* Памятник не сохранился. Скульптор — Томаш Дикас (1895).

на территории Восточной Галиции трех воеводств: Львовского, Тернопольского и Станиславовского³⁸. Сейчас это территории Львовской, Ивано-Франковской и большей части Тернопольской областей современной Украины, а также восточная часть Малопольского воеводства современной Польши (считалось, что граница между Восточной и Западной Галицией проходила по р. Сан). В газете «*Stowo Polskie*» подчеркивалось, что не следует трактовать этот закон как политический шаг, решение принято исходя исключительно из административных надобностей³⁹.

14 марта 1923 г. послы Франции, Англии, Италии и Японии (посол США присутствовал в качестве наблюдателя) установили восточную границу Польши, закрепив за ней Виленскую область, Западную Белоруссию, Западную Волынь и Восточную Галицию. Против этого решения протестовали как украинцы Восточной Галиции (18 марта 1923 г. во Львове состоялась 40-тысячная акция протеста), так и СССР, как субъект Рижского мирного договора (заявление СНК от 5 апреля 1923 г. о непризнании решения Парижской конференции послов Антанты). Рижский мирный договор 18 марта 1921 г. обязывал провести западную границу советских республик по реке Збруч. Однако советская сторона утверждала, что не следует из этого делать вывод, что по Збручу проходит и восточная граница Польши. Эта линия была границей Восточной Галиции, а уже решение относительно принадлежности или непринадлежности этой территории к Польше, в соответствии с рижскими статьями, должно было принадлежать проживающему там народу, которому необходимо было предоставить право свободно высказаться по этому вопросу⁴⁰. Совет послов также подчеркнул и то, что Польша обязана дать восточным землям, вошедшим в ее состав, статус самоуправления. Таким образом, решение послов Антанты закрыло обсуждение проблемы Восточной Галиции на международном уровне, теперь жизнь этой территории определялась внутренней политикой Второй Речи Посполитой⁴¹. Как отмечает Р. Тожецкий, такое решение послов Антанты очень сильно повлияло на украинцев в Восточной Галиции. Они перестали рассчитывать на поддержку Запада, стали пестовать в своей среде негативное отношение к Польше и симпатизировать советской Украине. Их внимание привлекали происходившие там общественные изменения, быстрое восстановление экономики⁴².

Первые полосы мартовских выпусков «*Słowo Polskie*» в 1923 г. информировали читателей о заседаниях Совета послов. Его окончательное решение было принято с большой радостью, утверждалось, что оно в первую очередь поможет украинскому народу («*rusińskiej ludności*»). Они наконец-то поймут, что это уже точно «„конец“ всяких Украин», что их принадлежность к Польше — это навсегда, и что они должны быть лояльны по отношению к государству, быть законопослушными гражданами⁴³.

Дальнейшие события убедили поляков в ошибочности их построений, особенно относительно того, что у украинцев нет народного чувства, национального самосознания, что они утихомятятся, как только судьба Восточной Галиции будет решена. Чем дальше, тем больше на них смотрели с опаской, боялись украинских авантур в Сейме, диверсий, терактов и массовых демонстраций на улицах городов. На страницах газет говорили про антипольскую агитацию украинских общественных организаций, которые разжигали народную ненависть, прикрываясь образовательной и гуманитарной деятельностью. Стали высказываться опасения, что украинские националисты, недовольные решением судьбы Восточной Галиции, потянут за собой тех самых крестьян-украинцев, которых поляки считали политически инертными⁴⁴. Выводы из этой ситуации были сделаны следующие. Польские политики стали склоняться к тому, что поведение властей на местах является причиной всех бед; они слишком мягкие, поэтому для усмирения всякого рода недовольств им стали отправлять в помощь войска⁴⁵. Критика звучала и в адрес центральной власти, которую обвиняли в отсутствии четкой программы действий по отношению к украинскому меньшинству, что могло в будущем очень плохо сказаться. И снова из этого следовало силовое решение проблемы — необходима была крепкая государственная власть⁴⁶.

Таким образом, несмотря на попытки редакторов и журналистов газеты «*Słowo Polskie*», используя известную римскую максиму «разделяй и властвуй», дифференцировать украинцев на «хороших» (т. е. лояльных польской державе) и «нехороших» (таких, которые хотели независимости), что нашло свое выражение, в том числе и в различных названиях этой этнической группы («*Rusini*» и «*Ukraińcy*»), все-таки образ и «русина», и «украинца» имел скорее больше негативных черт, нежели позитивных. Заметки, рисующие мирное сосуществование

украинцев и поляков на территории Восточной Галиции, попытки показать их вовлеченность в строительство Второй Речи Посполитой, были каплей в море. Негативная риторика, обличения, поиски врагов с обеих сторон не способствовали продуктивным дискуссиям в таком непростом и тонком деле, как налаживание добрососедских отношений. Газета «*Słowo Polskie*» тиражировала этнически окрашенные стереотипы, вызывала враждебные чувства, тем самым мало способствуя предотвращению межнациональных конфликтов в будущем.

Борьбу (как дипломатическую, так и военную) за Восточную Галицию украинцы проиграли, но и поляки недолго праздновали победу. Проблема не была решена, поэтому очень скоро снова напомнила о себе. Восточная Галиция и Львов по сути не являлись каким-то важным экономическим или военно-стратегическим центром. Война велась за ключевой для всех символ, и обладание этим символом могло добавить сил как одной, так и другой стороне. Стремление не воспринимать серьезно украинские национальные интересы, отмахиваться от них, ассимиляторская, колонизаторская политика, а позднее и силовое давление привели к печальным последствиям в 1930-е, и особенно, в 1940-е годы.

Примечания

- ¹ *Jarowiecki J.* Studia nad prasą polską XIX i XX wieku. Kraków, 2006. T. 2. S. 132.
- ² Цит. по: *Jarowiecki J.* Studia nad prasą polską. S. 52.
- ³ *Wójcik E.* Organizacja i działalność lwowskiej Spółki Wydawniczej «Słowa Polskiego» (1895–1938) // *Rocznik Historii Prasy Polskiej.* 2014. № 1 (33) (Т. XVII). S. 34; 37.
- ⁴ *Paczkowski A.* Prasa Polska w latach 1918–1939. Warszawa, 1980; *Notkowski A.* Polska prasa prowincjonalna Drugiej Rzeczypospolitej 1918–1939. Warszawa; Łódź, 1982.
- ⁵ *Jarowiecki J.* Studia nad prasą polską.
- ⁶ *Wójcik E.* Organizacja i działalność lwowskiej Spółki Wydawniczej «Słowa Polskiego».
- ⁷ См., например: *Torzecki R.* Kwestia ukraińska w Polsce w latach 1923–1929. Kraków, 1989; *Wojdyło W.* Kwestia ukraińska w myśli społeczno-politycznej obozu narodowo-demokratycznego w Drugiej Rzeczypospolitej // *Polska i Ukraina: Sojusz 1920 roku i jego następstwa* / Red. Z. Karpus, W. Rezmer, E. Wiszka. Toruń, 1997. S. 359–370; *Mazur G.* Życie polityczne polskiego Lwowa 1918–1939. Kraków, 2007 и др. Украинскому вопросу во Второй Речи Посполитой посвящено очень много работ и характеристика этих работ — достаточно трудоемкая задача, требующая написания отдельной и весьма обширной статьи.
- ⁸ *Kolasa W.M.* Kierunki badań nad historią prasy polskiej 1918–1939. Cz. 1. Tendencje rozwojowe, typologia // *Rocznik Historii Prasy Polskiej.* 2011. T. XIV. Z. 1–2 (27–28). S. 17.
- ⁹ *Wójcik E.* Organizacja i działalność lwowskiej Spółki Wydawniczej «Słowa Polskiego». S. 29.

- ¹⁰ Ibid. S. 36.
- ¹¹ Od Wydawnictwa // Słowo Polskie (далее — SP). 1918. 21 XII. N 1. S. 3.
- ¹² *Wójcik E.* Organizacja i działalność lwowskiej Spółki Wydawniczej «Słowa Polskiego». S. 37–39.
- ¹³ Ibid. S. 42–43.
- ¹⁴ SP. 1918. 28 XII. N 6. S. 1.
- ¹⁵ Ibidem.
- ¹⁶ *Wrzesińska K.* Obraz mniejszości narodowych w poznańskiej prasie konserwatywnej w latach 1918–1939. Poznań, 2002. S. 182.
- ¹⁷ См., например: *Федевич К.К.* Украинцы и не только. Особенности национального самосознания украинцев Восточной Галиции в 1920–1930-е годы // Славяноведение. 2014. № 5. С. 3–11.
- ¹⁸ Там же. С. 4.
- ¹⁹ *Bilska-Homa W.* Z Podolskiej Płoty na zachód Polski. Wrocław, 2009. S. 36.
- ²⁰ Источник: Pierwszy powszechny spis Rzeczypospolitej Polskiej z dn. 30 września 1921 roku. Mieszkania. Ludność. Stosunki zawodowe. Statystyka Polski. Warszawa, 1926. T. XXIII. Województwo Wołyńskie. S. 62; T. XXVII. Województwo Lwowskie. Warszawa, 1927. S. 117; Warszawa, 1927. T. XXVIII. Województwo Stanisławowskie. S. 78; T. XXIX. Województwo Tarnopolskie. Warszawa, 1927. S. 82.
- ²¹ *Федевич К.К.* Украинцы и не только. С. 6.
- ²² Там же.
- ²³ *Grünberg K., Sprengel B.* Trudne sąsiedztwo: Stosunki polsko-ukraińskie w X–XX wieku. Warszawa, 2005. S. 320.
- ²⁴ Источник: Drugi powszechny spis Rzeczypospolitej Polskiej z dn. 9 grudnia 1931 roku. Wyniki tymczasowe. Warszawa, 1932. S. 4.
- ²⁵ SP. 1918. 21 XII. N 1. S. 2.
- ²⁶ Ibid. 28. XII. N 6. S. 1.
- ²⁷ Ibid. 21. XII. N 1. S. 2.
- ²⁸ Цит. по: *Tomaszewski J.* Kresy Wschodnie w polskiej myśli politycznej XIX i XX w. // Między Polska etniczną a historyczną. Polska myśl polityczna XIX i XX wieku. Warszawa, 1988. T. 6. S. 108.
- ²⁹ *Grünberg K., Sprengel B.* Trudne sąsiedztwo. S. 322.
- ³⁰ SP. 1919. 03 I. N 3. S. 1.
- ³¹ Ibid. 1920. 01 I. N 1. S. 1.
- ³² Mord brzuchowicki // SP. 1918. 27 XII. N 5. S. 4. В 1921 г. преступники-украинцы, совершившие это убийство, были осуждены на разные сроки заключения. См.: Z okoliczeństw ukraińskich // SP. 1921. 18.03. N 125. S. 4.).
- ³³ Wieści z Podola // SP. 1918. 27 XII. N 5. S. 2.
- ³⁴ Z prasy ruskiej // SP. 1920. 01 I. N 1. S. 3.
- ³⁵ Ibid. S. 3.
- ³⁶ Ibid. 1919. 02 I. N 2. S. 2.
- ³⁷ Ibid. 03 III. N 3. S. 3.
- ³⁸ Ustawa z dnia 3 grudnia 1920 r. O tymczasowej organizacji władz administracyjnych II instancji (województw) na obszarze b. Królestwa Galicji i Lodomerji z W. Ks. Krakowskim oraz na wchodzących w skład Rzeczypospolitej Polskiej obszarach Spisza i Orawy // Dziennik Ustaw RP. 1920. N 117.
- ³⁹ Podział terytorjalny Małopolski // SP. 1920. 05 XII. N 565. S. 1.

-
- ⁴⁰ *Torzecki R.* Kwestia ukraińska w Polsce w latach 1923–1929. Kraków, 1989. S. 398.
- ⁴¹ *Ibid.* S. 20–21.
- ⁴² *Ibid.* S. 28.
- ⁴³ *Grabski S.* Fakty // SP. 1923. 17 III. N 75. S. 1.
- ⁴⁴ *Wrzeńska K.* Obraz mniejszości narodowych. S. 186.
- ⁴⁵ *Ibid.* S. 187.
- ⁴⁶ *Ibid.* S. 191.